

УДК: 81.42:821.161.1-3

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-463-479

СТРУКТУРНЫЕ СХЕМЫ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» ВО ВТОРОЙ ГЛАВЕ («НЯНЮШКА АЛЕКСАНДРА») РОМАНА А. БЕЛОГО «КОТИК ЛЕТАЕВ»

Ю.Д. Родина

Государственный социально-гуманитарный университет
140410, Россия, г. Коломна, МО, ул. Зеленая, д. 30

Статья посвящена анализу способов синтаксической реализации концепта «мыслительная деятельность» в одной из глав автобиографического романа писателя-символиста Андрея Белого «Котик Летаев». Мыслительная деятельность является главным способом характеристики центрального героя произведения — маленького Котика Летаева.

Цель статьи состоит в выявлении основных синтаксических схем, репрезентирующих мыслительный дискурс героя произведения, основой построения которых являются глаголы мышления, понимания, познания, воображения, памяти.

Исследование основывается на комплексном, системном подходе, сочетающем элементы когнитивного, сравнительно-типологического и конкретно-текстового анализа.

Предпринята попытка показать на конкретном языковом материале авторское своеобразие в создании концепта «мыслительная деятельность», его функционирование в организации текста.

Автор акцентирует внимание на конкретной текстовой реализации выделенных 5-ти структурных схем в аспекте воспроизведения писателем внутренней жизни индивида, начиная с подсознательных рефлексов и первых пульсаций сознания у младенца, открывающего мир, и заканчивая периодом взросления.

Особое внимание уделено номинациям, фиксирующим объекты мыслительной деятельности маленького Котика с учетом его взросления и расширения кругозора.

Теоретическая значимость статьи заключается в том, что она является определенным вкладом в процесс изучения способов языковой репрезентации синтаксического концепта «мыслительная деятельность».

Практическая значимость статьи состоит в том, что ее основные выводы и положения могут найти применение в практике вузовского преподавания, в общих и специальных курсах по когнитивной лингвистике. Материалы могут использовать в своих практических целях когнитологи и филологи при составлении учебников и пособий для вузов по исследованию идиостиля А. Белого.

Ключевые слова: концепт «мыслительная деятельность»; синтаксическая реализация; структурная схема; глагольные лексемы; сознание; память; мышление; бессознательное

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистической науке язык как объект исследования все чаще стал рассматриваться в антропоцентрической парадигме с позиций его участия в познавательной деятельности человека. В последние годы в работах многих лингвистов языковые явления осмысливаются в диаде «язык и человек» [1. С. 213].

Антропоцентрическая сущность языка реализуется сквозь призму специально выделяемой интерпретирующей функции, объединяющей в себе все дополнительные функции, помимо когнитивной и коммуникативной [2. С. 5]. Описывая языковые свойства больших корпусов текстов, лингвисты имеют дело со следами «трансфера знания». Такой подход характеризует антропологически ориентированную когнитивную лингвистику [3. С. 5]. Исследование предметов человеческой культуры под антропоцентрическим углом зрения является проявлением научной эмпатии к человеку [4. С. 43].

Актуализация вопросов об упорядочивании знаний, представлений человека о мире в процессе речевой коммуникации стала неотъемлемой частью когнитивной лингвистики, одним из центральных понятий которой является *концепт*.

Обнаружение концептов в художественном тексте проливает свет на понимание литературного творчества [5. С. 12]. Концептуальный анализ художественных произведений позволяет выявить особенности индивидуальной языковой картины мира писателя и представить лингвистические параметры его идиостиля. Концептуальный анализ представляет собой аналог семантического в связи с использованием в обоих случаях метода толкования значения слов, но цель концептуального анализа состоит в выявлении авторской картины мира, ведущей читателя к познанию действительности через категории, характеризующие познавательную деятельность человека [6. С. 4].

В последние десятилетия жизнетворчество А. Белого привлекает пристальное внимание исследователей, и это не случайно. На рубеже XIX—XX вв. стало явным, что унаследованные формы художественного текста перестали удовлетворять его новому содержанию. Конец XIX века — время зарождения нового литературного направления, принципиально отличного от предыдущего, — время модернизма.

В стремлении создать нечто необычное и оригинальное модернизм порождает новое, как в сфере художественной формы, так и в сфере художественного синтаксиса и семантики. Меняется не только предмет художественного изображения, но и само представление о действительности. Писатели-модернисты не ограничиваются сведением понятия «действительность» только к предметному миру, миру вещей. Первостепенной в литературе становится сфера сознания персонажей, что дает возможность писателю построить особую художественную действительность, существующую по своим законам. Модернистский тип художественного мышления, в отличие от традиционного, опирается на абсолютно иную художественную модель мира. На смену персонажу классической литературы с неповторимым, только ему свойственным внутренним миром, приходит художественный образ, эквивалентный мысли, сознанию.

В творчестве А. Белого важное место занимает мемуарно-автобиографическая тема. В ее развитии немалую роль сыграла личность немецкого философа Рудольфа Штейнера и его антропософское учение. Став во время долгого пребывания за границей (1912—1913 гг.) убежденным приверженцем религиозно-философского учения Р. Штейнера, уделявшего особо пристальное внимание проблеме человеческого самопознания, духовного становления и самоопределения личности,

Белый ощутил потребность по-новому, под антропософским углом зрения, осмыслить прожитую жизнь, характер своей внутренней эволюции и постичь ее потаенный телеологический смысл. В связи с этим у писателя возникла идея создания целого цикла автобиографических произведений под общим названием «Моя жизнь», состоящего из семи частей: «Котик Летаев» (годы отрочества), «Николай Летаев» (юность), «Леонид Ледяной» (мужество), «Свет с востока» (восток), «Сфинкс» (запад), «У преддверия Храма» (мировая война). Грандиозная задумка А. Белого осталась не реализованной в полном объеме.

Наш исследовательский интерес связан с романом А. Белого «Котик Летаев», в основе которого лежат воспоминания писателя о своем детстве. Однако «от воспоминаний в обычном смысле слова „Котика Летаева“ отличает не столько тщательная, сугубо эстетическая организация автобиографического материала, сколько объект описания: не внешние обстоятельства, быт, личные судьбы, историческая реальность, а внутренняя жизнь индивида, начиная с подсознательных рефлексов и первых пульсаций сознания у младенца, открывающего мир. Воплощая полуфантастические картины, открывающиеся сознанию ребенка, Белый черпает материал исключительно из собственных первичных детских ощущений и впечатлений» [7. С. 15].

Уникальность этого романа также состоит в том, что начало записи воспоминаний приходится на рубеж 3-го года жизни персонажа, в то время как литературные предшественники А. Белого обращались к более позднему периоду детства. Данное хронологическое обстоятельство оказало влияние как на содержательную сторону произведения, так и на формирование самобытного стиля романа.

В возрасте от двух до пяти лет происходит процесс становления, дифференциации, уточнения мысли, активизация речевой деятельности, ее динамичное развитие и дальнейшее становление. По этому поводу Л.Н. Толстой писал: «От пятилетнего ребенка до меня только шаг, а от новорожденного до пятилетнего — страшное расстояние» [8].

Композиционно роман «Котик Летаев» состоит из предисловия, шести глав и эпилога, в контексте тематического содержания и общего развития сюжета романа все они логично и последовательно служат раскрытию авторского замысла — показать внутреннюю жизнь индивида, его постепенное становление и развитие. Каждая глава фиксирует ступень роста главного героя, которую автор именуется «лестницей моих расширений».

Цель данной статьи состоит в выявлении и последующем анализе средств синтаксической реализации концепта «мыслительная деятельность» в романе А. Белого «Котик Летаев».

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Концепт является одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики, в связи с этим изучение его природы становится первостепенной задачей лингвистов. Концепт — один из наиболее популярных и наименее однозначно дефи-

нируемых терминов современной лингвистики, что обусловлено, во-первых, отождествлением концепта с близкими по значению или языковой форме терминами, во-вторых, наличием внелингвистических интерпретаций.

Концепты рассматриваются в лингвистическом, когнитивном, культурологическом, лингвокультурологическом, психолингвистическом, философском и других аспектах, на сегодняшний день существует большое количество их интерпретаций, классификаций и методов исследования.

Приведем перечень основных направлений современной когнитивной лингвистики, сложившихся в отечественном языкознании [9. С. 464].

1. Культурологическое — исследование концептов и концептосфер как элементов культуры в опоре на данные разных наук (Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, Н.Ф. Алефиренко и др.).

2. Лингвокультурологическое — изучение в направлении «от языка к культуре» (В.И. Карасик, С.Г. Воркачѳв, Г.Г. Слышкин, Г.В. Токарев, В.В. Воробьев, В.Н. Телия, В.А. Маслова, В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин, А.Т. Хроленко и др.).

3. Логическое — анализ концептов логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы (Н.Д. Арутюнова, Р.И. Павилѳнис, Т.В. Бульгина, А.Д. Шмелѳв, Г.В. Макович и др.).

4. Философско-семиотическое исследование когнитивных основ знаковости (А.В. Кравченко, В.В. Колесов, Н.Ф. Алефиренко и др.).

5. Индивидуально-речевое, семантическое (Д.С. Лихачев, Н.Ф. Алефиренко, А. Вержбицкая, В.В. Колесов, И.П. Михальчук, В.П. Нерознак и др.).

6. Семантико-когнитивное исследование лексической и грамматической семантики как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Е.В. Рахилина, Е.В. Лукашевич, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Г.Г. Слышкин, А.В. Кравченко, Е.Ю. Балашова, М.В. Пименова, В.З. Демьянков, С.Х. Ляпин, Г.В. Быкова) [12—17].

В нашем исследовании мы вслед за представителями семантико-когнитивного направления под термином «концепт» понимаем глобальную мыслительную единицу, оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [10. С. 92].

Таким образом, при всем разнообразии подходов к определению термина «концепт» представители различных направлений единодушны в признании того факта, что данные подходы не являются взаимоисключающими, но носят взаимодополняющий характер. Различия связаны с принципом отбора единиц исследования и методикой их описания, векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт — это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт — это направление от культуры к индивидуальному сознанию [11. С. 139].

Взаимосвязь данных подходов при исследовании способствует более глубокому изучению такого феномена, как концепт, пониманию его природы и особенностей функционирования в когнитивной лингвистике.

Концепты достаточно полно изучены в лексическом и фразеологическом аспектах, меньше — в синтаксическом [19—23; 25]. Вопрос о синтаксическом концепте является дискуссионным, он был поставлен еще в 60—70-е гг. XX в., но не получил тогда широкого отклика [26. С. 92; 27. С. 731] Изучение данной проблемы активизировалось в 80—90-е гг. XX века [28. С. 5—7; 29. С. 104; 30. С. 421; 31. С. 547; 32. С. 69]. Исследователи рассматривают лексемы и фразеосочетания как образы вещей, понятий, явлений, фактов, то есть сущностей, а знаки операций с ними (граммемы) — как отношения между сущностями в виде структурных схем. Виды отношений между сущностями, оформленные структурными схемами, рассматриваются как синтаксические концепты. Знание видов отношений между сущностями необходимо для изучения семантического пространства языка [33. С. 10].

Синтаксические концепты русского языка в виде структурных схем впервые были системно описаны в работе Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой «Синтаксический концепт русского языка простого предложения» [34]. Н.А. Бородина в диссертационном исследовании «Синтаксическая реализация концепта „мыслительная деятельность“ в русском языке» одной из первых предпринимает попытку анализа синтаксических средств репрезентации концепта «мыслительная деятельность» в русском языке. Материалы для анализа представлены художественными произведениями М.Н. Алексеева, Л. Андреева, М.А. Булгакова, И.А. Бунина, Б.Л. Васильева, В. М. Гаршина, А.М. Горького, Е.И. Замятина, В.Г. Короленко, А.С. Пушкина, А.И. Приставкина, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.Н. Толстого, Л.Н. Толстого и др., книгами из серии научно-художественных биографий общественных деятелей, военных, ученых, деятелей искусства и литературы «Жизнь замечательных людей» [34].

Н.А. Бородиной определена специфика речевой реализации структурных схем, основанная на широком лексическом разнообразии структурообразующего компонента схем; выявлены когнитивные признаки концепта «мыслительная деятельность», оказывающие влияние на компонентный состав специализированных и неспециализированных структурных схем, их формальную и смысловую организацию.

2. СТРУКТУРНЫЕ СХЕМЫ, РЕАЛИЗУЮЩИЕ КОНЦЕПТ «МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Под термином «синтаксический концепт» мы понимаем типовую пропозицию с набором словоформ, входящих в структурную схему простого предложения [33. С. 10]; под структурной схемой простого предложения — синтаксический знак, означаемым которого выступает типовая пропозиция, условно названная синтаксическим концептом, а означающими являются субъектив и предикатив со своими синтаксическими местами [34. С. 137].

В романе А. Белого «Котик Летаев» представляется возможным выделить следующие структурные схемы предложений, реализующие концепт «мыслительная деятельность», основой построения которых служат мыслительные глаголы:

- 1) *становится кто/что/чем/кем (при участии глагола **становиться**)*;
- 2) *кажется кому что, представляется кем/чем (при участии глаголов **казаться, показаться, представляться**)*;

- 3) кому думалось что (при участии глагола *думаться*);
- 4) кто знает что (при участии глаголов *знать, понимать*);
- 5) кто (не) помнит кого/что (при участии глагола (*не*) *помнить*).

С целью описания компонентов структурных схем используются местоименные маркеры (*становится кто/что/чем/кем; кажется кому что; представляется кем/чем; кому думалось что; кто знает что; кто (не) помнит кого/что*). Глагольные единицы мышления, понимания, познания, воображения, памяти, в отдельных случаях узость лексического состава, репрезентирующего концепт «мыслительная деятельность», оказали влияние на наименование схемы, в основу которой положена конкретная лексика. Лексическое разнообразие структурообразующего компонента схем свидетельствует о значимости данного концепта в языковой картине мира персонажа повести. Мыслительная деятельность выступает важным звеном в характеристике его языковой личности.

Выделенные структурные схемы трехкомпонентны: они представлены субъективом, предикативом и объективом.

3. ТЕКСТОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ В АСПЕКТЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЕМ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ ИНДИВИДА

В первой главе с символичным названием «Бредовый лабиринт» автор воссоздал хаотичный процесс зарождения сознания, напоминающий по своей силе стремительный, неконтролируемый поток. Обобщенный смысл названия главы раскрывается в романе постепенно, семантика слова «лабиринт» расширяется и обогащается, а его первичное значение «запутанная сеть дорожек, ходов, сообщающихся друг с другом помещений» [35. С. 317] заменяется вторичным, переносным значением — «сложный, запутанный поток мыслей, хаотичный поток сознания» [35. С. 317]. Не случайно и появление в тексте подглав, названия которых неразрывно связаны как с мыслительной деятельностью: «Ты — еси», «Образование сознания», «Мы возникли в морях...», «И думаю...», «Образование действительности», так и с психофизическим состоянием младенца: «Горит, как в огне», «Из сумятицы жизни».

Мысли Котика «пучинны», будто «рой», «самая данность стояла тяжелым вопросом» для него, герою кажется, что действительность утечет от него: *вне действительности разовью миры бреда* (Белый 2011: 1091). Чувственную основу мыслительной деятельности составляют ощущения, восприятия и представления, на базе которых происходит ее формирование.

Во второй главе «Нянюшка Александра» происходит постепенное становление особой среды профессорской квартиры и ее обитателей, обращают на себя внимание первые строки второй главы:

Я стал жить в пребывании, в ставшем (как я ранее жил в становлении); в нем держу нить событий; не все еще стало мне; многое установится на мгновение; и потом — утечет (Белый 2011: 1092).

Под «становлением» здесь подразумевается процесс образования сознания, воссозданный в первой главе повести «Бредовый лабиринт». Автор акцентирует

внимание на единой линии развития сознания героя, на «пребывании» (т.е. нахождении) ребенка в «ставшем» (т.е. в настоящей действительности) и дальнейшем ее познании. Восприятие квартиры трехлетним ребенком амбивалентно: с одной стороны, он находится в детской, предстающей в его воображении внутренним миром, где он может осмыслить увиденное и услышанное; с другой стороны, посещает гостиную — внешний мир, который населяют взрослые.

Формы и способы мыслительной деятельности маленького Котика претерпевают изменения, содержание мыслей углубляется, познавательные интересы активизируются.

Схема 1 **становится кто/что/кем/чем** представлена в тексте второй главы романа следующими примерами:

- 1) *Становится папа; установится; и уже — протечет: **станет паром*** (Белый 2011: 1092);
- 2) *Сроённое стало мне **строем**: колеся, в роях выколесил я дыру, с ее границей, — трубою, — по которой я бегал. Трубы, печи, отдушины, то есть дыры, есть мир* (Белый 2011: 1093);
- 3) *Правилом пережитий мне **встала тут — нянюшка Александра непосредственно у дыры, у трубы; и — строй наших комнат*** (Белый 2011: 1093);
- 4) *Тетя Дотя **становится** — тоже, появляясь сперва в зеркалах дальней комнаты; и в величавом спокойствии медленно оплотневает; оплотневшая ходит среди нас: с выбивалкой в руке. Оплотневшая **тетя Дотя становится Евдокией Егоровной**; она — как бы **Вечность*** (Белый 2011: 1094);
- 5) *Мама **становится дамой**; и — ходит за папой* (Белый 2011: 1097).
- 6) *Становится все очень странно, а тетя Дотя садится к огромному, черному ящику; открывает в нем крышку; и одним пальцем стучит мелодично по белому, звонкому ряду холодноватеньких палочек* (Белый 2011: 1094).

В лексическом наполнении субъектного компонента данной структурной схемы участвуют имена существительные в именительном падеже (*тетя Дотя, нянюшка Александра, папа, мама*) и страдательное причастие в именительном падеже (*сроённое*).

Структурообразующим компонентом схемы **становится кто/что/кем/чем** является предикатив, маркированный глаголами *становится, стало, встала, станет*. В качестве доминанты выступает глагол *становится*, репрезентирующий процесс мыслительной деятельности и обладающий значением «обретать состояние, делаться каким-либо постепенно» [35. С. 765].

Третьим компонентом структурной схемы 1 является объектив, лексическое наполнение которого составляют собственные и нарицательные (отвлеченные и конкретные) имена существительные (*паром, строем, правилом пережитий, Евдокией Егоровной, дамой*). Объектами мыслей маленького Котика Летаева становятся папа, мама, тетя Дотя (Евдокия Егоровна), нить событий, которую герой пытается удержать в своем сознании.

Мышление Котика связано с построением причудливых образов, зачастую архетипических, отсылающих читателя к древнегреческой мифологии. Так, становление образа отца связано со стихией огня.

«Огненные» ассоциации, ярко представленные в первой главе романа, где отец именуется *Вулканом, посыпанным лишь для вида черной золой стуртука, огнедышащим папой*, находят свое продолжение и во второй главе, в которой он назван *огнеротым, Гефестом*:

- 1) *Папа водится редко; он в отсутствии представляется мне огнеротым каким-то — краснокудрые пламена, огнерод, вылетают из уст; бородатый, крылатый летает на ясных размахах; иногда приколотится он красным миром своим к Косяковскому дому, в котором мы жили; и смотрит с Арбата в оконные стекла багровым закатом; разразится огромным звонком к нам во входную дверь* (Белый 2011: 1092);
- 2) *Я впоследствии познакомился с греческой мифологией; и свое понимание папы определил: он — Гефест; в кабинете своем, надев на нос очки, он кует там огни — среброструйные молнии из стали* (Белый 2011: 1092).

Мифологические аллюзии Котика позволяют ему сохранять связь с Вечностью, отсылающей к времени образования сознания младенца. Введение подобных образов в текст романа связано с авторской установкой — расширить временные границы повествования. Показателен в этом отношении финал второй главы:

В эту давнюю пору разыграна и разучена мною: вся история греческой философии до Сократа; и я ее отвергаю. Перечитывая «Историю греческой философии»: «Нечего ее изучать: надо вспомнить — в себе» (Белый 2011: 1103).

Напомним, что первым словом Котика было *огонь*, первым же образом, всплывающим в сознании, отсылающим к детству, — образ отца, что является автобиографичной деталью. Сам А. Белый в первой книге воспоминаний «На рубеже двух столетий» заметил:

Когда поворачиваюсь на далекое прошлое, то неким веяньем, как бы из подсознания, сквозь образы, мне заслоняющие первые образы воспоминаний, их все упразднив, — поднимается тьма; силось в ней что-то высмотреть, силось довосполнить начальные пропорции самосознания: сил не хватает. Тогда из бездн темноты мне выкидывается лишь образ отца. Его влияние огромно (Белый 1989: 122).

Обратимся к примерам реализации структурной схемы 2: **кажется кому что, представляется кому кем/чем (при участии глаголов казаться, показаться, представляться)**:

- 1) *Афросинья, замахиваясь рукой над огнем, описывает кочергой дугу, вся в отсветах кудрявого пламени, вылезавшего на нее из печи легкой гривой; в печке — красная ярая морда оскалилась углями: — И мне кажется: — Афросинья там борется с гадом, приползающим к черному отверстию печки; будет — будет нам гибель...* (Белый 2011: 1095);
- 2) *По утрам из кровати, бывало, смотрю: на узоры стоящего шкапчика; я умею скашивать глазки (смотреть себе в носик); узоры, бывало, снимаются с мест: прилипают мне к носику линии деревянных волокон двумя темнородными пятнами переплетенных суков; и мне кажется: две фигуры склонились своими неясными ликами, как два Мавра, — из разлетевшихся складок* (Белый 2011: 1098);

- 3) *Среди дня я на них посмотрю — тысячелетием древнего мира мне немо склонились фигурки; и мне кажется, что у меня за спиной — не стены, а такие же точно миры, как на маленьком лакированном шкапчике: волокнисто-темнеющие, золото-карие, где все плавают сумерки меж бесствольными кущами* (Белый 2011: 1098);
- 4) *Мне казалось, что они грохотали у нас по ночам; в лабиринте из комнат с толпами — вот таких же точно, как и они, безобразников; это были дикие пламена, населявшие миры дальних комнат* (Белый 2011: 1101);
- 5) *И казалось мне, что стоял перед нами: Золотой Треугольник; две руки, как лучи, протянулись направо-налево от белого лика: белый лик, точно око, глядел в золотом треугольнике* (Белый 2011: 1099);
- 6) *И — трубочист представляется мне змееногим: извивается в комнатах; тихо пестует мальчиков* (Белый 2011: 1094);
- 7) *В более позднем младенчестве этот мир строгих строев (строевая служба моя) представляется мне миром зданий, гамм, рулад, крамеровских этюдов и Черни (экзерсисы Черни вы помните?)* (Белый 2011: 1100);
- 8) *все богаделенки — няни; вдовы же, то есть старые девы (что то же), представляются мне до сих пор... интересами Веры Сергеевны Лавровой: — Вера Сергеевна Лаврова — знакомая тети Доти, пахла прелыми яблоками; и загадывала на ... Бабаикина; выходило всегда, что Бабаикину предстоят интересы; исполнение интересов — четыре десятки — ложились не редко...* (Белый 2011: 1100).

Наличие возвратной формы глагола и дательного субъекта в данной структурной схеме способствует восприятию мыслительной деятельности как процесса, не связанного с волевыми усилиями субъекта, имеющего произвольный характер.

В основе чувственной составляющей мыслительной деятельности лежат ощущения, восприятия и представления.

Структурообразующим компонентом схемы 2 является предикатив, маркированный глаголами *кажется, представляется*, синонимичными по отношению друг к другу и имеющими значение «являться в мыслях, в воображении» [36. С. 457], тождественными в лексическом отношении глаголам *чудиться, мерещиться*. Объект в анализируемой схеме маркирован творительным падежом (*змееногим, миром зданий, гамм, рулад, интересами*). Котик начинает активно создавать образы, что напоминает своеобразную киноленту, непрерывность которой возможна благодаря связи одного кадра с другим. Окружающие предметы быта профессорской квартиры представляются герою враждебными, так, например, печка становится разрушительной силой, являясь прибежищем *гадов* и *змееногого трубочиста*, деревянные фигурки на шкапчике представляются «дикими племенами». Возникновение различных образов приводит героя к размышлениям. Отсюда закономерно появление номинаций, представляющих собой мыслительные действия персонажа в виде глагольных языковых единиц (*думалось*), в которых выражаются мысли героя относительно воображаемых картин.

Считаем целесообразным обратиться к рассмотрению структурной схемы 3 «кому думалось что (при участии глагола думаться)»:

- 1) *Мне думалось: может быть, это он, перегибаясь по трубам, меня выхватил из дыры; и — пронес над огнем...* (Белый 2011: 1093);

- 2) *Мне все думалось после: Фундаменталиков-Чемодаников — ай, ай, ай! — поступил, то есть позволил себе своевольно тяжелую поступь: нарочно гремел по паркету; мне открылось тогда: кто нарочно гремит по паркету, тот совершает поступок* (Белый 2011: 1101).

Дательный субъекта в указанной схеме актуализирует мыслительную деятельность Котика Летаева как не связанный с волей субъекта, произвольный процесс.

В качестве структурообразующего компонента структурной схемы 3 используется предикатив, маркированный глаголом *думалось* в значении «представлялось».

Многие фразы, которые Котик слышит от окружающих его домочадцев, воспринимаются и понимаются им буквально, т.е. только в прямом значении, что приводит к искажению смысла тех или иных высказываний. Включение в дискурс маленького героя подобных лексических единиц, являющихся нарушениями нормативного словоупотребления, используется автором как прием языковой игры, создания комического эффекта. Так, тяжелая поступь Фундаменталикова-Чемоданикова отождествляется с близким по звучанию, но далеким в смысловом отношении словом «поступок».

Рассмотренный нами пример не является единичным в романе, таких нестандартных употреблений в тексте немало. На наш взгляд, это соответствует авторскому замыслу: показать читателю процесс становления мыслительной деятельности ребенка. Котик не овладел еще в полной мере процессом метафоризации. По этому поводу К.И. Чуковский в своей книге «От двух до пяти» писал: «...взрослые мыслят словесными формулами, а дети — вещами, предметами предметного мира. Их мысль на первых порах связана только с конкретными образами. Потому-то они так горячо возражают против наших аллегорий и метафор... слово часто в сознании ребенка носит такой же конкретный характер, как та вещь, которую он обозначает» [37]. Мысли героя связаны с конкретными образами, переносные значения слов он отвергает. «Свежесть реакций ребенка на взрослую речь сказывается именно в том, что каждую нашу идиому дети воспринимают буквально» [37].

Мыслительная деятельность юного героя направлена на получение какого-либо результата, во второй главе повести Котик анализирует предметы, сравнивает их, абстрагирует отдельные их свойства с тем, чтобы выявить общее в них, раскрыть закономерности, управляющие их развитием, с целью дальнейшего овладения ими.

В этом смысле закономерно появление структурной схемы 4 «кто (знал) знает что (при участии глаголов *знать, ведать, понимать*):

- 1) *Знаю я — скверновато: даже совсем скверновато* (Белый 2011: 1080);
- 2) *И я знаю объятия* (Белый 2011: 1085);
- 3) *Анаксимандр, Фалес, Гераклит, Эмпедокл пробегают по нашей квартире на чувственных знаках: Говорю: — «Рой, рои — все роится». Фалес меня учит: — «Все полно богов, демонов, душ...» Передо мною — огни: в страшный мир колесящих карбункулов распадается мне темнота; метаморфозы охватыв-*

- вают; а — Гераклит мне твердит: — «Все — течет». С Анаксимандром **мы ведаем** беспредельности; Эмпедокл бросается в Этну; я — падаю в обморок (Белый 2011: 1102);
- 4) *Старый Гераклитианец — я видывал метаморфозы Вселенной в пламенных ураганах текущего; и я **знал** очень твердо; что сегодня — нянина голова, то когда-нибудь — отверстие лампы* (Белый 2011: 1102);
  - 5) *Я не помню, когда это было; но **знаю** — **прогнозили** мою молчаливую нянюшку* (Белый 2011: 1095);
  - 6) *Метафоры **понимаю я** точно* (Белый 2011: 1096);
  - 7) *И уже значительно позже: — видя черные рожи индейцев с продетыми в носу кольцами, **понимал я** отчетливо: **все они** — **безобразники**: с тяжелою поступью: Фундаменталиковы-Чемоданиковы* (Белый 2011: 1101).

В лексическом наполнении субъектного компонента данной структурной схемы используется личное местоимение в именительном падеже.

Структурообразующим компонентом схемы является предикатив, маркированный глаголами **знать**, **понимать**, которые объединены общим значением: «обладать какими-нибудь познаниями, иметь о ком-чём-нибудь понятие» [22. С. 457].

Процесс приобретения знаний, овладения понятиями и представлениями, связанными с бытом профессорской квартиры и ближайшим окружением Котика Летаева, происходит успешно, что выражается на языковом уровне при помощи соответствующих глагольных номинаций с утвердительным значением.

В тексте романа появляются глагольные единицы с отрицательным значением в том случае, когда мысль героя обращается к другой реальности (ирреальности), *связь с которой у него по-прежнему сохраняется. Например:*

*И, чернея оттуда, зовет он (**а кто** — **я не знаю**); и — одиноко подымет гор-
танный свой голос — повертываюсь: — вместо золото-карего мира — стена:
этажерочка (та же!) стоит себе; и на ней — строй солдат, оловянные гренадеры
мои серебрятся мне лицами... (Белый 2011: 1098).*

Автор повествует об играх Котика в символы, о становлении темы символизма в нем, относящейся к периоду раннего детства, что, в свою очередь, автобиографично. А. Белый писал:

*«Я ощущаю в себе **становление темы символизма** так, как она пела в душе моей с **раннего детства**. На вопросы о том, как я стал символистом и когда стал, по совести отвечаю: никак не стал, никогда **не становился**, но всегда **был символистом** (до встречи со словами «символ», «символист»); в играх четырёх-летнего ребёнка позднейше **осознанный символизм воспрятий был данностью детского сознания**... Четырёх лет я играл в символы. Но в эти игры не мог посвятить я ни взрослых, ни детей; те и другие меня бы не поняли — я в этом убежден» (Белый 2012: 422);*

*С четырех до семнадцати лет я рос эсотериком; мой символизм — **утаиваемое от других**; долгое время сфера утаиваемого была сферой утаиваемого поневоле; игры мои кое в чем приоткрыл я кормилице (Белый 2012: 425).*

Роман А. Белого «Котик Летаев» представляется читателю субъективным воссозданием пройденного героем отрезка жизненного пути, состоящим в фиксации, сохранении, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий и состояний, определяющих самоидентификацию личности как единичного, тождественного самому себе психологического субъекта. Данное явление получило название «автобиографической памяти». Проблема памяти — способности сохранения и воспроизведения в сознании прежних впечатлений, опыта, — является одной из центральных в тексте. В предисловии к несостоявшемуся переизданию «Котика Летаева» А. Белый признавался:

«Природа наделила меня необыкновенно длинной памятью: я себя помню (в мигах), боюсь сказать, а — приходится: на рубеже 3-его года (двух лет!); и помню совсем особый мир, в котором я жил» (Белый 1989: 13).

Мы рассматриваем память как нечто изменчивое и постоянно формирующееся, активно участвующее в мыслительной деятельности, вследствие чего память одновременно является результатом и инструментом интерпретации в познавательной и мыслительной деятельности [15. С. 192]. Процессы памяти и мышления находятся в тесной взаимосвязи: информация, полученная в результате мыслительной деятельности, поступает в память.

С целью изображения процессов высших психических функций по накоплению, сохранению и воспроизведению знаний и навыков привлекается структурная схема «кто (не) помнит кого/что», представленная глаголом *помнить*. Автор прибегает к активному использованию глагольных номинаций, ибо те в силу своей семантики и грамматических свойств призваны отразить постепенное становление самосознающего «я» героя романа, начиная с момента образования его сознания. Данные глагольные номинации дают движение мысли, захватившей Котика. Например:

- 1) *Помню я этот сон: — выбегаю в столовую я, а за мной моя нянюшка с криками: «Обморок». И этот обморок вижу я: он- дыра в лакированном нашем паркете; и я вижу в дыре: там — гостиная; она — в красных креслах, как наша; на стенах из огромных гирлянд багренеют, грозясь: кисти красные роз зарывыми роями; я туда падаю; шепоты, шумы, шипы, огни, пары, гари влетают в открытую дверь; и появляется сам доктор Пфедфер в короне; и чернобровая девка Ардаша становится дамою* (Белый 2011: 1096);
- 2) *мне, младенцу (старикуну нашего мира), они объясняют игрушки; и объяснение их игрушек перетягивает внимание от во мне живущего мира — к играм, затеянным вне меня; и — создается порог. — Я его помню открытым* (Белый 2011: 1097);
- 3) *Все было в нянюшке правильно нам: и внедырно, и комнатно (она дозировала за дырами; трубочист — ее кум); я, бывало, ее тербил; я просил ее: мне позвать трубочиста; нянюшка мне молчала: ни слова. И голоса я не помню ее; да и права не помню, но — дозирующий облик из теней, углов и простенков, в тускловатой мгле серых стен передо мною встает, как реликвия древности* (Белый 2011: 1095);
- 4) *Няни нет уже — утекла: я не помню, когда это было* (Белый 2011: 1102).

В лексическом наполнении субъектного компонента данной структурной схемы используется личное местоимение в именительном падеже. Мыслительная

деятельность Котика Летаева носит антропоцентрический характер, так как именно он является производителем ментального действия.

Предикатив маркирован глаголом *(не) помнить* и имеет значение «(не) сохранять, удерживаться в памяти, (не) забываться» [35. С. 560].

Тема становления символизма, игры в символизацию продолжается: герой не помнит голоса, нрава няни, времени ее ухода из профессорской квартиры, но удерживает в памяти воспоминания об играх, «затяжных вне его мира», о «реликвиях древности», о «древних опытах». Автор сознательно актуализирует стержневые моменты повествования, определяемые проблемой памяти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй главе «Нянюшка Александра» романа А. Белого «Котик Летаев» способы синтаксической реализации концепта «мыслительная деятельность» главного героя позволяют наблюдать особенности проявления индивидуального сознания личности ребенка. Именно с их помощью репрезентируется внутренняя жизнь индивида, начиная с подсознательных рефлексов и первых пульсаций сознания у младенца, открывающего мир, и заканчивая периодом взросления.

© Родина Ю.Д., 2018

Дата поступления: 14.10.2017

Дата приема в печать: 10.03.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // *Язык и наука конца 20 века: сборник научных статей*. Москва: Институт языкознания РАН, 1995. С. 144—238.
2. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2015. № 1. С. 5—12.
3. Демьянков В.З. О когнитивии, культуре и цивилизации в трансфере знаний // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 4. С. 5—9.
4. Демьянков В.З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // *Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: сборник научных трудов / отв. ред. вып. В.З. Демьянков. Тамбов, 2016. С. 36—45.*
5. Рудакова А.В. *Когнитология и когнитивная лингвистика*. Воронеж: Истоки, 2004.
6. Чернова Л.А. Концептуальное содержание рассказа А.П. Чехова «На подводе» // Чернова Л.А., Дубова М.А. *Когнитивная лингвистика: мироощущение персонажа в русской прозе рубежа XIX—XX вв.: сб. статей*. Коломна: МГОСГИ, 2015. С. 4—9.
7. Лавров А.В. Вступительная статья // Андрей Белый на рубеже двух столетий. Воспоминания в 3-х книгах. М.: Художественная литература, 1989.
8. Толстой Л.Н. *Собрание художественных произведений*. [Электронный ресурс] URL: <http://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/> (дата обращения: 15.01.2018).
9. Комарова З.И. *Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике*. М.: Флинта: Наука, 2013.
10. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. *Краткий словарь когнитивных терминов*. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.
11. Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002.
12. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 4. С. 10—20.

13. *Болдырев Н.Н.* Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 25—77.
14. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт // Филологические науки. 2001. № 1.
15. *Фурс Л.А.* Метапамять и ее роль в когнитивных процессах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3. С. 5—9.
16. *Беляевская Е.Г.* Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке. Москва: РАН ИНИОН, 1994. С. 87—110.
17. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004.
18. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.
19. *Демьянков В.З.* Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35—47.
20. *Ляпин С.Х.* Концептология: к становлению подхода. Архангельск: Изд-во Поморск. пед. ун-та, 1997.
21. *Попова З.Д., Стернин И.А., Карасик В.И. и др.* Полевая модель концепта // Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2009. С. 12.
22. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2006.
23. *Попова З.Д.* Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю.Н. Караулов, М.В. Ляпон. Москва, 1996. С. 255—268.
24. *Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. Москва: Флинта; Наука, 2008.
25. *Золотова Г.А.* О структуре простого предложения в русском языке // Вопросы языкознания. 1967. № 6.
26. *Москальская О.И.* Проблемы семантического моделирования в синтаксисе // Вопросы языкознания. 1973. № 6.
27. *Бабайцева В.В.* Система структурно-семантических типов простого предложения в современном русском языке // Предложение как многоаспектная единица: Межвузовский сборник научных трудов МГПИ им. Ленина. М., 1984.
28. *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
29. *Леценко М.И.* Семантика предложения // Проблемы семантического описания единиц языка и речи: Материалы докладов Международной научной конференции. Ч. 1. Минск, 1998.
30. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. СПб., 1997.
31. *Петрова О.Н.* Типовая семантика простого предложения // Семантика языковых единиц: Доклады V Международной конференции. Т. 2. М., 1996.
32. *Чернова Л.А.* Синтаксический концепт «бытие признака объекта» с авторизованными глагола (по рассказу А.П. Чехова «Невеста») // Чернова Л.А., Дубова М.А. Когнитивная лингвистика: мироощущение персонажа в русской прозе рубежа XIX—XX вв.: сб. статей. Коломна: МГОСГИ, 2015. С. 10—16.
33. *Волохина Г.А., Попова З.Д.* Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 2003.
34. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. Москва: А ТЕМП, 2010.
35. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского язык. Москва: Русский язык, 2000.
36. *Чуковский К.И.* От двух до пяти [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=72192&r=1> (дата обращения: 12.11.2017).

37. *Ли Сяошуй* Мыслительная деятельность через призму концепта ВРЕМЯ в романе Дж. Барнса «A History of the World in 10 Chapters» Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: сборник научных трудов / отв. ред. вып. В.З. Демьянков. Тамбов, 2016. С. 192—198.
38. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта, Наука, 2003.

Источники

1. *Белый А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 1. Москва: Художественная литература, 1989.
2. *Белый А.* Полное собрание сочинений в двух томах. Москва: АЛЬФА-КНИГА, 2011.
3. *Белый А.* Собрание сочинений. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Москва: Арабески, 2012.

УДК: 81.42:821.161.1-3

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-463-479

STRUCTURAL SCHEMES THAT REPRESENT THE SYNTACTIC CONCEPT “THINKING ACTIVITY” IN THE SECOND CHAPTER (“NAYANUSHKA ALEXANDER”) OF A ROMAN A. BELY “KOTIK LETAEV”

Julia D. Rodina

State University of Social Studies and Humanities
Zelyonaya str., 30, Kolomna Moscow Region, 140410

Abstract. The article is devoted to the analysis of ways of syntactical realization of the concept “thinking activity” in one of the chapters of the autobiographical novel by the writer-symbolist Andrei Bely “Kotik Letaev”. Thinking activity is the main way of characterizing the central character of the work — the little Kotik Letaev.

The purpose of the article is to identify the main syntactic schemes that represent the thought discourse of the hero of the work, the basis of which are the verbs of thinking, understanding, cognition, imagination, memory.

The study is based on an integrated, systemic approach, combining elements of cognitive, comparative-typological and concrete-text analysis.

An attempt was made to show on the specific linguistic material the author's originality in the creation of the concept “thinking activity”, its functioning in the organization of the text.

The author focuses on the specific textual implementation of the selected 5 structural schemes in terms of the writer's reproduction of the individual's inner life, beginning with subconscious reflexes and the first pulsations of consciousness in the infant opening the world, and ending with the period of growing up.

Particular attention is paid to the nominations that fix the objects of the intellectual activity of the little Kitty, taking into account his growing up and broadening his horizons.

The theoretical significance of the article is that it is a definite contribution to the process of studying the ways of linguistic representation of the syntactic concept “thinking activity”.

The practical importance of the article is that its main conclusions and provisions can be applied in the practice of university teaching, in general and special courses on cognitive linguistics. Materials can be used for their practical purposes by cognitologists and philologists in the compilation of textbooks and manuals for universities on the study of idiosyncrasy A. Bely.

Key words: concept “intellectual activity”, the syntactic implementation, block diagram, verbal lexemes, consciousness, memory, thinking, unconscious

REFERENCES

1. Kubryakova, E.S. (1995). Evolution of linguistic ideas in the second half of the XX century (experience of paradigm analysis). In *Language and science of the late 20th century: a collection of scientific articles*. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. pp. 144—238.
2. Boldyrev, N.N. (2015). Anthropocentric essence of language in its functions, units and category. *Questions of cognitive linguistics, 1*, 5—12.
3. Demyankov, V.Z. (2016). On cognition, culture and civilization in the transfer of knowledge. *Questions of cognitive linguistics, 4*, 5—9.
4. Demyankov, V.Z. (2016). On anthropocentric direction in cognitive linguistics. *Cognitive studies of language. Issue XXVII: Anthropocentric approach in cognitive linguistics: a collection of scientific papers*. Ed. V.Z. Demyankov. Tambov. pp. 36—45.
5. Rudakova, A.V. (2004). Cognitive and cognitive linguistics. Voronezh: Origins.
6. Chernova, L.A. & Dubova, M.A. (2015). The conceptual content of the story of A.P. Chekhov “On a cart”. *Cognitive linguistics: the worldview of a character in Russian prose of the turn of the XIX—XX centuries: Sat. articles*. Kolomna: MGOSGI. pp. 4—9.
7. Lavrov, A.V. (1989). Introductory article. *Andrei Bely at the turn of two centuries. Memories in 3 books*. Moscow: Fiction.
8. Tolstoy, L.N. Collection of works of art. [Electronic resource] URL: <http://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/> (available at: 15.01.2018).
9. Komarova, Z.I. (2013). Methodology, method, methodology and technology of scientific research in linguistics. Moscow: Flint: Science.
10. Kubryakova, E.S., Demyankov, V.Z., Pankrats, Yu.G. & Luzina, L.G. (1997). Short dictionary of cognitive terms. Moscow: Moscow State University named after M.V. Lomonosov.
11. Karasik, V.I. (2002). Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Shans.
12. Boldyrev, N.N. (2016). Cognitive schemes of language interpretation. *Questions of cognitive linguistics, 4*, 10—20.
13. Boldyrev, N.N. (2009). Conceptual basis of the language. *Cognitive studies of the language. Issue IV. Conceptualization of the world in language: a collective monograph*. Moscow: Institute of Linguistics RAS; Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin. pp. 25—77.
14. Vorkachev, S.G. (2001). Lingvoculturology, language personality, the concept. *Philological Sciences, 1*. pp. 64—72.
15. Fours, L.A. (2017). Meta-memory and its role in cognitive processes. *Questions of cognitive linguistics, 3*, 5—9.
16. Belyaevskaya, Ye.G. (1994). Cognitive foundations of the study of word semantics. *Structures of representation of knowledge in language*. Moscow: RAS INION. pp. 87—110.
17. Maslova, V.A. (2004). Cognitive linguistics. Minsk: TetraSystems.
18. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2001). Essays on cognitive linguistics. Voronezh: Istoki.
19. Demyankov, V.Z. (2001). Concept and concept in fiction and scientific language. *Topics in the study of language, 1*, 35—47.
20. Lyapin, S.Kh. (1997). Conceptology: to the development of the approach. Arkhangelsk: Publishing house of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov.
21. Popova, Z.D., Sternin, I.A., Karasik, V.I. & all. (2009). The field model of the concept. *Introduction to Cognitive Linguistics*. M.V. Pimenova (ed.). Kemerovo: KemSU.
22. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2006). Semantico-cognitive analysis of the language. Voronezh.
23. Popova, Z.D. (1996). Structural diagram of a simple sentence and a positional diagram of a statement as different levels of parsing. In *Dictionary Grammar. Text*. Yu.N. Karaulov, M.V. Lyapon (ed.). Moscow. pp. 255—268.
24. Prokhorov, Yu.E. (2008). In search of the concept. Moscow: Flint; Science.

25. Zolotova, G.A. (1967). On the structure of a simple sentence in the Russian language. *Topics in the study of language*, 6.
26. Moskalskaya, O.I. (1973). Problems of Semantic Model in Syntax. *Topics in the study of language*, 6.
27. Babaytseva, V.V. (1984). The system of structural-semantic types of a simple sentence in modern Russian. In *Proposal as a multidimensional unit: Intercollegiate collection of scientific papers MGPI*. Moscow.
28. Zolotova, G.A., Onipenko, N.K. & Sidorov, M.Yu. (1998). Communicative grammar of the Russian language. Moscow.
29. Leschenko, M.I. (1998). Semantics of the Proposal. In *Problems of the Semantic Description of the Units of Language and Speech: Proceedings of the International Scientific Conference. Part I*. Minsk.
30. Nikitin, M.V. (1997). Course of linguistic semantics. SPb.
31. Petrova, O.N. (1996). Typical semantics of a simple sentence. In *Semantics of language units: Reports of the V International Conference*. Vol. 2. Moscow.
32. Chernova, L.A. (2015). Syntactic concept “the existence of a feature of an object” with an authorized verb (according to Anton Chekhov’s story “The Bride”) In Chernova L.A., Dubova M.A. *Cognitive linguistics: the worldview of a character in Russian prose the turn of the XIX—XX centuries*. Kolomna: MGOKGI. pp. 10—16.
33. Volokhina, G.A. & Popova, Z.D. (2003). Syntactic concepts of the Russian simple sentence. Voronezh.
34. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2010). Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Temp.
35. Efremova, T.F. (2000). The modern explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Russian language.
36. Chukovsky, K.I. Two to five [Electronic resource]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=72192&p=1> (available at: 12.11.2017).
37. Li Xiaoshuai. (2016). Thinking activity through the prism of the concept TIME in the novel by J. Barnes “A History of the World in 10 Chapters”. In *Cognitive studies of the language. Issue XXVII: Anthropocentric approach in cognitive linguistics: a collection of scientific papers*, V.Z. Demyankov (ed.). Tambov. pp. 192—198.
38. Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language. (2003). M.N. Kozhina (ed.). Moscow: Flint, Science.

Для цитирования:

Родина Ю.Д. Структурные схемы, репрезентирующие синтаксический концепт «Мыслительная деятельность» во второй главе («Нянюшка Александра») романа А. Белого «Котик Летаев» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 2. С. 463—479. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-463-479.

For citation:

Rodina, J.D. (2018). Structural schemes that represent the syntactic concept “thinking activity” in the second chapter (“Nayanushka Alexander”) of a roman A. Bely “Kotik Letaev”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 463—479. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-463-479.

Rodina J.D., 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 463—479. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-463-479.

Сведения об авторе:

Родина Юлия Демьяновна, аспирант кафедры русского языка Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет»; *научные интересы:* когнитивная лингвистика, лексикология, концепт; *e-mail:* yulya_rodina_92@mail.ru

Bio Note:

Julia D. Rodina, graduate student of the Moscow Region “State social-humanitarian University”; *Scientific Interests:* cognitive linguistics, lexicology, concept; *e-mail:* yulya_rodina_92@mail.ru